

Wadim Siusar

"Планшетное сознание" как субъективная составляющая "рационального насилия" в глобализированном мире

Studia Warmińskie 52, 51-61

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Wadym Slusar
Wydział Filozofii
Żytomierski Uniwersytet Państwowy im. Iwana Franki

„Планшетное сознание” как субъективная составляющая „рационального насилия” в глобализированном мире

- Słowa kluczowe:** przemoc, „przemoc racjonalna”, „tabletowa świadomość”, postpanoptyczność, cynizm.
- Keywords:** violence, „rational violence”, „tablet consciousness”, postpanopticon, cynicism.
- Schlüsselworte:** Gewalt, „rationale Gewalt”, „Flachbettbewusstsein”, Postpanoptikum, Zynismus.

История человечества наглядно демонстрирует, что насилие является неизменной составляющей социального бытия. При наличии множества форм его проявлений, его субстанциальной основой можно определить подчинение природы человека социальным правилам и нормам сосуществования индивидов. Такой подход к объяснению насилия позволяет нам избежать субъективных оценок данного феномена, акцентируя внимание на его сущностных характеристиках, на его роли в социальном развитии, в т. ч. и социальных трансформациях. XX век можно смело назвать эпохой торжества насилия, принесшей человечеству колоссальные жертвы, как во время мировых войн, так и локальных, знаменующихся массовым истреблением населения в короткий период времени (напр., при режиме „красных кхмеров” в Кампучии, при геноциде в Руанде в 1994 г.). Это актуализировало необходимость поиска новых принципов социальных взаимоотношений, в основе которых отрицание прямого действия насилия, прежде всего толерантности, ненасилия, постпаноптикума. Особенностью реализи-

рующихся на их основе форм насилия можно выделить изменение роли объекта насилия, несознательно становящегося благодаря внедрению новых технологий его субъектом как относительно других индивидов, так и действующего на него субъекта. Одновременно происходит осмысление им необходимости сохранения существующих социальных порядков, рационализация насилия. Характерной чертой такого субъекта является отношение к миру как к игре, к шоу с доминантным стремлением достижения атрактива путем непрерывного наблюдения за реальностью, направленностью на перманентное получение информации и оценок экспертов, замещающего реальное знание. Для описания модели поведения на основании соответствующих установок, убеждений, веры мы предлагаем понятие „планшетное сознание”.

В своих предыдущих исследованиях мы уже определяли основные черты „рационального” насилия. Это форма насилия, в которой, в отличие от двух других – „мифической” и „божественной”, где реализация основывается на агрессии и вере соответственно, основным инструментом выступает рациональное осознание индивидами необходимости и неотвратимости насилия. В современном мире под влиянием глобализационных процессов, тотальной технологизацией жизни человека рациональность насилия также приобретает качественно иные черты. „Новая рациональность” как атрибут насилия в глобализированном мире выражается в форме, во-первых, рациональной необходимости в целях экономии времени за счет сопоставления поведения индивида с „книгами-инструкциями” (принцип „макдональдизации”) и, во-вторых, „иллюзорной компетентности”¹. Принцип „макдональдизации” заключается в насильственном отрицании возможности существования всего лишнего, „неразумного”, минимализируя затраты времени на выполняемые действия². С развитием массовых коммуникаций компетентное насилие приобретает тотальный характер, реализуется через СМИ в форме ток-шоу и аналитических программ путем выработки компетентного решения специалистов. Но сейчас формируется „иллюзорная компетенция”, которая действует на основе создания ощущения всеобщей компетентности путем продуцирования в массовой культуре способов совместного принятия решений, что служит уже оправданию методов, а не целей.

¹ W. Slusar, *Nowa racjonalność jako atrybut przemocy w dobie globalizacji*, Українська полоністика 9 (2012), с. 89–95.

² V. Slyusar, *Rational Violence and Control in the McWorld*, V. Slyusar, O. Stolyar, *Філософія спілкування: культура, мова, цінності: матеріали науково-теоретичної конференції (ХНТУСГ ім. Петра Василенка, 28–30 березня 2012 року)*, редкол.: проф. В.М. Вандишев, проф. С.О. Завстний, доц. Н.І. Моїсєєва; відп. ред. проф. В.М. Вандишев, Харків 2012, с. 112–114, с. 113.

Впрочем, данный аспект раскрывает социальный аспект реализации „рационального насилия” современности и оставляет без внимания субъективный – носителя сознания как компонента описываемой формы социального насилия, являющегося одновременно его и объектом, и субъектом.

Понятие „планшетное сознание” предлагается нами для описания и анализа одного из атрибутов „рационального” насилия современности, являющееся, в свою очередь, характерной чертой общества постпаноптикума (основывающегося на принципе всепроблюдаемости), теоретически обоснованного французским мыслителем Мишелем Фуко („Надзирать и наказывать”) и художественно изображенного Джорджем Оруэллом („1984”). За последние десятилетия динамика научно-технического прогресса сказалась не только „технизацией” насилия, т. е. применением достижений науки и техники для осуществления акта прямого насилия, но и через доминирование потребительского характера социальных взаимоотношений оснащением каждого индивида инструментами для осуществления непрямого насилия. Особенностью современной техники является ее превращение в инструмент символической власти, для которой характерны наделяние объектов репутацией и призыв их к вере, иными словами, это власть, обеспечивающая контроль над умами и сердцами, она не нуждается в сколько-нибудь осязаемых подтверждениях своих возможностей, ее эффективность прямо зависит от наличия комплекса не прямых методов воздействия, вместо „материальности” она делает ставку на „виртуальность”³. М. Фуко описал дисциплинарную форму насилия, функционирующую по принципу паноптизма, согласно которому власть осуществляет надзор за гражданами средствами, эффект действия которых характеризуется постоянством и тотальностью, поскольку индивид не знает, ведется за ним наблюдение в конкретный момент времени. Важно, что функционирование паноптической системы осуществляется деперсонализированно. Чем больше анонимных и меняющихся наблюдателей-надзирателей, тем больше у объектов наблюдения ощущение поднадзорности. Паноптический принцип дисциплинарного насилия усиливает любой аппарат власти, поскольку, с одной стороны обеспечивает экономию в оборудовании, персонале и времени, а, с другой, проявляет свою эффективность благодаря превентивности, непрерывности действия

³ А. Ашкерев, *Экспертотократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма*, Москва 2009, с. 62.

и автоматизму⁴. Если в тоталитарных обществах существуют соответствующие институты, осуществляющие указанный принцип реализации дисциплинарного насилия, то в демократических они отсутствуют, поэтому указанные функции переходят ко всем членам общества. В традиционном обществе паноптизм действует на основе традиций и морали, а в информационном – на основе принципа потребительства. Именно технические достижения за последние десятилетия позволили построить сеть систем наблюдения за общественными местами (масштабы сети впечатляющие, близкие к описанным в антиутопии „1984” Дж. Оруэлла). Но высвобождение трудовых ресурсов в качестве надзирателей за порядком замещается увеличением работников, во-первых, занимающихся наблюдением за техническими средствами, которые присматривают за порядком, а, во-вторых, неизменным осталось количество охранников, поскольку не претерпела существенных изменений сама функция охраны порядка. Таким образом, фактически изменился субъект упреждения нарушений порядка. Но качественно по-другому изменилась функция наблюдения с внедрением широкого потребления компактных мобильных способов наблюдения и одновременной передачи информации (прежде всего смартфонов и компьютерных планшетов). Следовательно, в обществе потребления формируется новый характер социальных отношений, в которых субъектами выступают индивиды-носители „планшетного сознания”. Еще М. Маклюэн отмечал изменение характера восприятия индивидом мира в зависимости от внедрения технических изобретений в его повседневную жизнь. Если исходной точкой к такому изменению было изобретение печатного станка, то внедрение на современном этапе электронных технологий стирает грань между реальным и виртуальным. Еще полвека назад он подчеркивал, что „сейчас, когда мы живем в электрической среде и внутри закодированной информации не только визуально, но и в сенсорном режиме, вполне естественно, что у нас появилось новое восприятие, которое разрушает монополию и приоритет мира видимого, заставляет этот старинный мир выглядеть таким же причудливым, как средневековый герб на двери химической лаборатории”⁵. Как отмечалось выше характерной чертой „планшетного сознания” является отношение к миру как к игре, к шоу с доминантным стремлением достижения атрактива путем непрерывного наблюдения за реальностью. Это достигается благодаря инструментальной способности устройства передавать информацию онлайн значительному

⁴ М. Фуко, *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*, Москва 1999, с. 302.

⁵ М. Маклюэн, *Война и мир в глобальной деревне*, пер. с англ. И. Летберга, Москва 2012, с. 12.

количеству аудитории. Фактически политические события в Украине, происходящие на протяжении 2013–2015 годов, обнаружили новый инструмент политической борьбы – стрим. С одной стороны, стример с соответствующими необязательно профессиональными техническими средствами, а с другой – наблюдатели, носители „планшетного сознания” составляют целостную систему паноптикума. Создается иллюзия получения объективной информации. Впрочем, по нашему мнению, происходит замещение стремление иметь непредвзятую информацию на наблюдение за шоу. В украинских средствах массовой информации такие наблюдатели получили название „диванная сотня”.

Также стоит акцентировать внимание на образовательные установки мировоззрения носителя „планшетного сознания”. Рассмотрим такие их отличительные черты как замена процесса получения знаний (благодаря планшетному компьютеру индивид для этого способен, по сути, беспрепятственно подключаться к всемирной сети Интернет и, соответственно, базам накопленных знаний) на потребление информации и театрализация процесса познания. Касаясь первой черты, то потребление информации следует понимать в бодрияровском смысле как „потребление потребления”. Реальные знания и компетентность, интеллектуальная культура индивида заменяются мифом о знании и псевдоинформованностью, понимание философских идей заменяются интернет-мемами и афоризмами в статусах. Ориентация на миф о знании как составная „планшетного сознания” формирует в личности не только установку на замещения знаний информацией, но и удовлетворенность уровнем приобретенных знаний, что не предусматривает построение стратегий на определение уровня знаний и разграничения реальных знаний и иллюзорных, знаний и не-знаний. Иными словами можно сказать, что носитель „планшетного сознания” не знает, что он в реальности мало знает, и не хочет об этом знать.

Рассматривая вторую черту, нужно отметить, что первоначальной задачей внедрения электротехнических и электронных технологий в образовательный процесс было, с одной стороны, упрощение учебных операций, и актуализация заинтересованности со стороны обучаемых, с другой. Современные технологии позволяют существенно сократить время на поиск материалов по изучаемой проблеме, что позволило бы предположить об оптимизации познавательной деятельности за счет наличия ведомостей о степени ее исследованности и потери локального характера значительного количества работ, доступности к их результатам. Но такое утверждение, по нашему мнению, относится в основном

к специфическим сферам познавательной деятельности, прежде всего научной. Во всеобщей образовательной сфере инструментальная функция электротехнических и электронных технологий уступает место завлечению, увлечению. От учителя, преподавателя требуется не столько содержание подаваемого материала, сколько форма, театральность. Носителем „планшетного сознания” акцентируется внимание на популярности материала и /или подающего его учителя. Это подтверждается наличием большого количества познавательных телевизионных каналов, основной задачей которых является популяризация научно-исследовательских материалов. Театрализация познания, таким образом, выявляет тенденцию к замещению подобранными избирательно, согласно маркетинговым стратегиям, увлекательными программами системного „сухого” учебного материала, т. е. комплексвспомогательного материала благодаря своему театрализованному характеру признается обучаемым как основной, изучение замещается иллюзией изучения. Описанная тенденция имеет вполне объективные социальные основания. Так, А. Ашкеров, рассматривая проблему производства и обращение информации в эпоху ультракапитализма в контексте экспертократии, отметил, что актерство преподавателей, театрализирующих исследовательскую деятельность, которое наиболее четко проявляется в модели гумбольдтова университета (автор понимает ее как институциональный проект тотального контроля над будущим в человеческом обществе), становится условием возникновения системы социального воспроизводства, основанной на принципе всеобщего исторического участия⁶. И хотя автор утверждает о кризисе этой модели и ее смене другими, актерство преподавателей в форме популярности, упрощенной доходчивости, моды становится самым распространенным методом получения знаний носителями „планшетного сознания”, для которого свойственно ощущение всеобщей компетентности („иллюзорная компетентность”).

Кроме ориентации на театрализацию познания носителю „планшетного сознания” как компонента „рационального насилия” следует выделить ориентацию на „экспертов”. Развитие средств массовой коммуникации существенно изменили социальную роль экспертов, традиционно заключающуюся в продуцировании комплекса компетентных мнений относительно определенных аспектов социальной реальности и прогнозирования социальных процессов. С одной стороны, современные масштабы распространения информации

⁶ А. Ашкеров, *Экспертотократия...*, с. 29.

позволяют довести мгновенно мнение эксперта значительной части населения, выходя за границы узкого круга специалистов. Но с другой стороны, это превратило экспертов в инструмент „рационального насилия” для манипуляции массовым сознанием. Мнение эксперта/экспертов – это один из распространенных методов рекламы, составляющих политических ток-шоу, состязательных шоу и т. д. Экспертом может выступать как известный в научных кругах специалист, так и „раскрученная звезда” (популярные певцы, музыканты, актеры, спортсмены). Причем, по нашему мнению, вторая категория признается экспертами превалирующим количеством населения, что объясняется потреблением и коммерциализацией, рекламными технологиями создания их имиджа „широкопрофильных экспертов”. Массовое распространение современных компьютерных технологий усовершенствовали продуцирование и распространение экспертного мнения, выявляя постоянный мониторинг последнего относительно происходящих в данный момент событий чертой „планшетного сознания”. Следует акцентировать на перманентности этого процесса, ставшего возможным лишь в последние годы благодаря внедрению в жизнь технологий компактных переносных компьютеров (ноутбуков, нетбуков, смартфонов, планшетных компьютеров) с возможностью почти беспрепятственного подключения к Интернет. Многие социальные сети (к примеру, twitter, facebook) позволяют пользователям выбирать круг „собственных” экспертов, отслеживая их мнение на текущие события. При этом стимулируется и постоянная реакция на них со стороны людей, пытающихся получить статус эксперта. Инструментами стимула являются, прежде всего, поощрение в виде популярности (через фиксацию количества заинтересовавшихся мнением) и непосредственной реакции со стороны читателей с возможными дальнейшими диалогами, обсуждениями, дискуссиями.

Характерно для „планшетного сознания” и культ легкости как одна из ключевых смысложизненных установок. П. Саух указывает, что „гуманизм” такой установки утверждается исходя из попыток человека скрасить свою жизнь, сделать ее более легкой, беззаботной, комфортной и приятной в возведении в ранг идола „всеобъемлющее облегчение”, сущностью которого является ориентация на минимизацию усилий и максимальности „кайфа”, на телесное наслаждение и удобства, определяющие основные направления научно-технического развития и его коммерциализации⁷. Особенностью проявления культа легкости в „план-

⁷ П. Ю. Саух, *Сучасна освіта: портрет без прикрас*, Житомир 2012, с. 33–34.

шетном сознании” можно определить ощущение вседоступности (т. е. в любой момент и в любом месте) информации и коммуникации. Это ощущение создается именно благодаря указанным выше технологиям, позволяющим находить информацию достаточно быстро, т. е. без особых затрат усилий и времени. Но сущность „планшетного сознания” в том, что в нем превалирует потребительское отношение к информации, выражающееся в потреблении информации ради самой информации (зависимость в форме необходимости в нефильтрованном неизбирательном безостановочном ее получении), преимущественно развлекательного характера.

Одной из отличительных черт современного общества является цинизм, охвативший все сферы общественного бытия и общественного сознания. Толчок исследования этого среза социальной реальности был дан немецким философом П. Слотердайком, раскрывшего в работе „Критика циничного разума” содержание цинизма как социального явления в европейской истории. Цинизм, согласно П. Слотердаю, – это особая форма „ложного сознания” (или обновленное несчастное сознание), знаменующеего современность. Одним из основных выводов, сделанных философом, гласит о том, что сложившееся в просветительской традиции это сознание через образование усваивает основные идеалы и представления о добре, истине, красоте, но неспособно следовать им в практической жизни, отдавая предпочтение потребительскому образу жизни. Циническое сознание приобрело массовый характер, оно предстает как усредненный социальный характер в обществе, утрачивающий индивидуально-неповторимую манеру кусаться и избавляющий себя от риска выставляться на всеобщее обозрение, его носитель инстинктивно он воспринимает свой способ существования уже не как что-то злобное и ехидное, а как причастность к коллективному реалистически скорректированному взгляду на вещи⁸. Л. Зиннурова определяет такие черты человека с циническим сознанием: приспособленческое существование в сложившемся социально-экономическом порядке, перманентное состояние стороннего наблюдателя (дистанцированное созерцание и осмысление), для него не важно, кому и куда продавать свой интеллект: властным структурам, школе, глянцевого журналу, сомнительному телевизионному каналу, любой бизнес-структуре⁹. Эти же черты циничного сознания определяют

⁸ П. Слотердаик, *Критика цинического разума*, пер. с нем. А. Перцева, Москва 2009, с. 31–32.

⁹ Л.И. Зиннурова, *Цинизм как серьезный недуг современной культуры*, Культура народов Причерноморья 225 (2012), с. 127–131, с. 129.

содержание и „планшетного“. Индивид, оснащенный компактным компьютером, коммуницирующий посредством средств связи (прежде всего через Интернет) с другими носителями „планшетного сознания“, является не только сторонним наблюдателем всего происходящего, но и ретранслятором. Можно говорить о сетевом характере „планшетного сознания“, ретранслятор не только распространяет информацию, но и, реагируя на отзывы получателей в режиме он-лайн, меняет ракурс съемки на желаемый ими. А с другой стороны получатель информации становится сразу же ее распространителем, определяя, таким образом, рейтинг ее популярности, заинтересованности. Сетевой характер „планшетного сознания“ способствует утверждению его циничности: желание испытать атрактивное переживание сопричастности, заключенное в словесных выражениях „круто“, „кайф“, „чума“ и т. п., доминирует, вытесняя информативность события, сопереживание происходящего. Такому человеку свойственно эмоциональное скольжение в условиях социальной реальности. Примером проявления „планшетного сознания“ можно назвать событие, потрясшее мировую общественность, происшедшее 15 декабря 2015 года в центре австралийского Сиднея, когда террорист захватил заложников в кафе, прохожие массово делали селфи на фоне трагедии и размещали их в социальных сетях¹⁰. Цинизм проявляется не столько в отсутствии сопереживания, сколько в осознании аморальности такого поведения, но ведомые потребительством и оснащенные соответствующими технологиями носители „планшетного сознания“ превратили его в стиль жизни.

Заключение

Итак, „планшетное сознание“ – это комплекс жизненных установок индивида, для которого характерно подчиненное культу легкости циничное отношение к окружающему миру как к игре, к шоу с доминантным стремлением достижения атрактива путем непрерывного наблюдения за реальностью, направленностью на перманентное получение информации и оценок экспертов, замещающего реальное знание. У носителя „планшетного сознания“ отмечается замена знаний, компетентности, интеллектуальной культуры мифом о знании и псевдо-

¹⁰ J. Carney, *Siege selfie shame: People queue to pose for pictures of themselves at scene of Sydney terror*, The Daily Mail, <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2874191/Selfie-disgrace-Shameful-file-people-posing-pictures-scene-Sydney-terror-siege.html#ixzz3SUCgUmEq> (16.12.2014).

информованностью. Основным критерием выбора информации образовательного характера являются ее популярность и театрализованность подачи.

Инструментом реализации принципа рационального насилия в обществе всепроблемативности является социально активный индивид как носитель „планшетного сознания”, сформированного в результате массового распространения потребительского использования планшетного компьютера. Носитель „планшетного сознания” характеризуется готовностью в любой момент перевести в сферу публичности через онлайн-трансляцию любое событие (бытовое или политическое), а его интеллектуальная культура замещается псевдоинформованностью. Благодаря этим качествам создается целостная система всеобщей взаимопросматриваемости.

„TABLETOWA ŚWIADOMOŚĆ” JAKO SUBIEKTYWNY ELEMENT „RACJONALNEJ PRZEMOCY” W DOBIE GLOBALIZACJI

(STRESZCZENIE)

W artykule autor wprowadza stosunkowo nowe określenie „tabletowa świadomość” w kontekście badań nad problematyką przemocy w dzisiejszym świecie. „Tabletowa świadomość” jest rozpatrywana jako subiektywny element pośredniej formy przemocy, której głównym narzędziem jest budzenie w danej osobie przekonania o konieczności i nieuchronności przemocy („przemoc racjonalna”). Owo pojęcie rozpatrywane jest w kontekście postpanoptycznego modelu funkcjonowania społeczeństwa. W artykule autor poddaje analizie główne cechy „tabletowej świadomości”: zamiana procesu nabywania wiedzy na konsumpcję informacyjną, teatralizacja procesu poznania, koncentracja na opinii „eksperta”, kult „lekkoci” i cynizmu.

„TABLET CONSCIOUSNESS” AS A SUBJECTIVE COMPONENT OF „RATIONAL VIOLENCE” IN THE GLOBALIZED WORLD

(SUMMARY)

The author introduces to the scientific revolution the term „tablet consciousness” in the context of the research of problems of realization of violence in the modern world. „Tablet consciousness” is viewed as a subjective component of an indirect form of violence; the main tool is a rational awareness by individuals of the necessity and the inevitability of violence („rational violence”). The meaning of „tablet consciousness” is revealed in the context of the postpanopticon model of functioning of society. Identified and analyzed the following main features of the „tablet consciousness”: replacement of a learning process on the consumption of information and knowledge staging process, focusing on the opinion of an „expert”, the cult of lightness as a key of life meaning installations and cynicism.

„FLACHBETT-BEWUSSTSEIN“ ALS SUBJEKTIVE KOMPONENTE DER „RATIONALEN GEWALT“ IN DER GLOBALISIERTEN WELT

(ZUSAMMENFASSUNG)

Im Artikel führt der Autor den Begriff des „Flachbettbewusstseins“ im Kontext der Forschung zur Realität der Gewalt in der gegenwärtigen Welt ein. Das „Flachbettbewusstsein“ wird als eine subjektive Komponente der indirekten Form der Gewalt, deren Hauptwerkzeug das rationale Begreifen der Notwendigkeit und der Unabwendbarkeit der Gewalt („der rationalen Gewalt“) durch die Individuen, betrachtet. Die Bedeutung des Begriffes das „Flachbettbewusstsein“ wird im Kontext postpanoptischer Modelle des Funktionierens der Gesellschaft offen gezeigt. Der Autor hat die Hauptmerkmale des „Flachbettbewusstseins“ bestimmt und analysiert: den Ersatz des Prozesses zur Erhaltung des Wissens durch den Konsum von Informationen und die Theatralisierung des Prozesses der Erkenntnis, die Orientierung auf die Meinung der „Experten“, der Kult der Leichtigkeit als eine sinnstiftende Einstellungen und den Zynismus.